

К.А. Полевой

Русские повести и рассказы.

5 частей. СПб. 1832. В т. Н. Греча. 263, 273, 268, 278, 274 стр. in 8.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

Произведение изящное не должно быть судимо по одной наружности: надобно проникнуть в глубину его, постигнуть, какое место занимает оно в искусстве, и потом уже обозреть подробности, доступные самому поверхностному взгляду. Последуем сему правилу и не вдруг займемся указанием на каждое из отдельных сочинений, заключающихся в пяти томах "Русских повестей и рассказов". Предоставляем другим журналистам написать о них *рапорты*, к каким приучили нас их известия о театре.

Роман самородный и повесть требуют большой зрелости в литературе. Кроме воображения, для них необходим еще язык, повинующийся всем переливам души, всем волнениям сердца и всем утонченностям в общежитии старых и новых народов. Вот отчего у нас долго не было этого рода сочинений. Не грех сказать, что романа еще нет и до сих пор. Но повесть уже есть: она перед вами, она в рассматриваемой нами книге. Автор "Русских повестей и рассказов" может быть назван создателем повести на русском языке. Что было у нас до него в этом роде? Бледные или надутые рассказы, не русские по языку, не европейские по вымыслу, ничтожные по созданию. Русская повесть считалась у нас почти неестественным произведением, почти как повесть китайская, где ищут не поэтического создания, а нелепых черт, напоминающих китайскую азбуку, бездну премудрости, китайскую живопись бестенную и китайскую стену, которая физически отделила нас от обитателей Крайнего Востока столько же резко, сколько нравственно отделены мы от них нравами, обычаями и умонастроением. В таком-то состоянии была русская повесть, когда в 1823 году явились первые повести автора "Аммалат-Бека". Многие почли их тогда насилием русского языка и какою-то мечтою неосуществимою. Надобно сказать, что это были первые шаги, еще робкие, но уже предвещавшие все, что осуществлено впоследствии автором "Русских повестей и рассказов". Особенно разительною казалась новость языка, верного и покорного слуги автора. Дальнейшие подвиги его на этом поприще оковали все внимание читателей, а последние, например "Лейтенант Белозор" и "Аммалат-Бек", довершили победу и дают ему место среди первостепенных европейских писателей.

Для людей, которые любят затрудняться в словах, скажем, что под названием европейских писателей мы разумеем тех творцов в литературах зрелых, которые довели искусство до высшей степени: в повестях это Жан-Поль, Гофман, Вашингтон Ирвинг, Цюккер, отчасти Шиллер, Гете, В. Скотт, которые хотя не были повествователями или сказочниками собственно, однако возрастили несколько прелестных цветков в очарованном саду сказочной фантазии. Признав русского соперника их не только первым, но и единственным писателем повестей на русском языке, мы должны рассмотреть: какое место занимает он в этом роде среди писателей первостепенных? Выиграло ли что-нибудь искусство от того, что в России явилось несколько томов его повестей? Посмотрим.

Недаром прозвали наш век прозаическим. В самом деле, проза собственное наше достояние, наше добро и зло, наш отличительный характер. Проза и в жизни, и в словесности преимуществом у нас!.. Счастливые греки! Под лазуревым небом своим, среди благоухающих померанцевых и лимонных садов своих они распевали и напевали все и обо всем. Даже отец истории чуть ли не пел у них свои добродушные рассказы. А полумифологический Омир? А трагики? А идиллисты? Они как будто страшались заковать свои мысли, свою фантазию в оковы прозы. Но когда железные римляне оледенили жизнь суровым героизмом, когда на развалинах великолепия римского явились мы, восточные варвары, тогда самый язык огрубел, окаменел, перестал выливаться музыкальными звуками. Тогда начала господствовать проза. Но по крайней мере у них, у варваров, были свои барды, свои скальды, превратившиеся в минстрелей, в трубадуров, в баянов. Если греки разгуливали в садах своих, то варвары рыскали по всей земле; им было некогда заператься в кабинеты и нанизывать мысли на прозаическую проволоку даже в произведениях фантазии. Это милое усовершенствование принадлежит нам. Мы умели довести самую фантазию до того, что она чаще одевается у нас в прозаическое, а не в стихотворное платье. Еще есть верные преданиям люди, есть и некоторые роды сочинений, неразлучные со стихом; но вообще наше стихотворство похоже на промотавшегося наследника богатых прародителей. Всего чаще оно неуместно, смешно, жалко! Наша поэзия вся в мыслях; наша фантазия сбивается на философию, а философ разве для шутки станет облекать мысли свои стихом. Но недаром же прожил человек столько веков после падения стихотворства. Он много испытал, много перечувствовал, во многом, если не во